

Глава 1

Пробуждение было настоящим кошмаром. Открыв глаза, я сразу пожалел об этом. Кажется, в подобных случаях говорят — лучше бы я умер. Наверняка люди, придумавшие эту поговорку, знали, о чем говорили, и я был с ними полностью солидарен. Такого состояния я не испытывал никогда в жизни. Не в том смысле, что трещала разболевшаяся от фантастической боли голова, нет. Хотя и этот фактор присутствовал как непрменный атрибут сильнейшей похмелюги. Но причина обуявшего меня ужаса была в другом.

В мои бедные уши вонзился тревожный рев сирены. Эдаким ржавым, вкручивающимся в мозги шурупом. Знаете, как в военных фильмах. Когда на город заходят вражеские самолеты и включается ревун противовоздушной обороны. Так вот, звук, вырвавший меня из объятий душливого муторного сна, в котором мне ничего не снилось, был именно таким. И это уже не был сон. Это была всамделишная явь. Я в панике распахнул глаза и подскочил на кровати. Ничего

не мог сообразить, а в ушах еще звучали отголо-ски умолкнувшего чудовищного гудка, казалось, заполонившего вокруг меня все пространство. Я беспомощно завертел ничего не соображающей головой. Что это? Пожар, война, конец света? Что за чертовщина?!

Не успели мои слезящиеся глаза толком все рассмотреть в окружающем полумраке, как что-то твердое и тяжелое неожиданно врезалось мне в живот, и я, скорчившись улиткой, с перехваченным дыханием покатился по полу. Я не смог даже завопить от скрутившей внутренности дикой боли. И только тут до меня наконец дошло, что проснулся я вовсе не на своей кровати. И даже не в своей квартире. В ноздришибанул ядреный запах пота, гари, машинного масла, каких-то животных и чего-то еще, что я не смог опознать. Я замер, придерживая руками живот, и, перевернувшись лицом вниз, все же смог приподнять голову. Широко распахнув глаза, уставился в какие-то затертые, потемневшие от времени доски, обшитые железными полосами, и почувствовал странную качку, словно находился на борту дрейфующего по морю корабля. Тут же услышал утробный рык и ощутил всеми костями повторный удар, швырнувший меня на спину, а затем по ушам ударил злобный голос, что прогрохотал где-то надо мной:

— Какого хрена ты разлегся, Часовой?! Встать, падаль, ведьмин выкормыш! Встать, мразь!

Я по-прежнему ничего не понимал. Начал задыхаться от охватившего меня всепоглощаю-

щего ужаса. Следом сильно зажмурил глаза, не желая ничего видеть. Хриплый скрежещущий голос непонятного мне существа продолжал надрываться:

— Встать, ведьмино семя! Или ты думаешь, что твое происхождение что-то меняет, предательское отродье? Делает тебя особенным? Да ты пока недостойн даже называться Часовым! Эту сраную привилегию ты еще не заслужил! Как и многие другие на этом корабле. Но ты, ты много хуже их всех, ублюдок!

От нового обрушившегося на мои ребра удара я чуть не взвыл. Да что же это происходит, вашу мать?! Следом, однако, нашел в себе силы подняться на ноги и, тараща глаза, вылупился на того, кто меня избивал. Боже, мелькнула обнадеживающая мысль. Я все же сплю. Я во сне.

На меня уставилась рожа, которую вряд ли встретишь в погожий денек на улице города. Напротив стоял огромный детина под два метра ростом, с плечами широкими, как крепостные ворота. Одет он был в футуристического вида тяжелую проклепанную кожаную броню, напоминающую чешую дракона. Испещренная шрамами выбритая бугристая голова, массивная нижняя челюсть, изъязвленное грубое лицо, а вместо левого глаза сияющий мертвенным светом зеленый камень. Часть черепа и скулы скрепляли хирургические скобы, из мощной, перевитой жилами шеи торчали какие-то трубочки. Увенчанный зазубренным крюком механический протез заменял ему правую руку. Такое ощущение, что

этого франкенштейна когда-то пропустили через гигантскую мясорубку. Он заметил мой ошалевший взгляд и поднес к носу крюк.

— Ты сегодня сам на себя не похож, Часовой... Словно видишь старину Фляйшера впервые в своей убогой жизни. Хочешь еще раз полюбоваться на дело твоих сородичей, в чьих желудках осталась моя клешня? Предательский сучонок!

Следом же он врезал мне по лицу своей второй рукой, вследствие чего я рухнул на спину и больно ударился затылком. Перед глазами вновь все поплыло. На этом моменте я невольно задумался: а стоит ли опять подниматься? Затем увидел нависающий надо мной потолок, опутанный непонятными тросами и растяжками. Ощущение, что мы движемся, усилилось. Но не по воде, нет. Казалось, мы парим в воздухе.

Мир надо мной внезапно потемнел. Сфокусировав взгляд, я быстро понял, что обзор перекрыла искаженная от ненависти рожа моего обидчика.

— Хорош прохлаждаться и впадать в бессознанию, — процедил он, тяжело дыша. — Через полчаса мы будем над зоной выброски. И тогда для вас начнется самое интересное. Гребанный экзамен всей жизни. И я посмотрю, каким ты вернешься обратно на борт после встречи со своими «друзьями». Возможно, после того, что от тебя останется, ты начнешь считать меня красавчиком!

К его хохоту присоединилось ржание десятка луженых глоток. Я понял, что помимо нас тут

еще кто-то есть. Такие же миляги, как и мой визави? Да не дай бог! Ошарашенный, полностью деморализованный и мало что понимающий, я лежал на спине и тяжело дышал. Если это сон, то почему я не просыпаюсь? Мне грозит самая настоящая беда! Почему никто не будит меня? Что вообще происходит?!

В эту минуту Фляйшер наклонился надо мной и играючи вздернул за грудки на ноги. Дыхнул в лицо чудесным запахом гнили и перегара и ласково сказал:

— Тащи свой зад в оружейку, надевай доспехи, курсант, и готовься спуститься в пекло. Там тебя давно ждут. И я очень, пусть у меня и добрейшее сердце, надеюсь, что ты там и сгинешь в пасти какой-нибудь адской твари. Но ты не думай, я выпью за помин твоей жалкой душонки кружку грога.

И снова взрыв дружного хохота. С удивлением я понял, что наши глаза, точнее, три глаза и зеленый имплант, находятся примерно на одном уровне. Да, я парень высокий, но не настолько же... И тут до меня дошло, что и внешне я совсем не похож на себя прежнего... И ощущаю себя как-то не так. Словно я стал реально выше и крупнее. Что это на мне? Какое-то просторное белье из серого грубого хлопка, добротные, хоть и изрядно потертые ботинки на ногах... Кисти моих рук стали намного толще, чем раньше, такими же крепкими выглядели и ноги. Я машинально провел рукой по голове. Ладонь наткнулась на короткий колючий ежик стриженных практически

под ноль волос. Я испуганно начал щупать лицо. Оно было... Не мое. Как никогда прежде в жизни я захотел посмотреться в зеркало!

— Что, думаешь, не слишком ли ты смазливый для своих дружков хагеров, ведьмин выкормыш? — с хохотом съязвил детина и злобно прошипел, да с такой ненавистью, что я понял, если сей же час не подчинюсь, он меня уроет. Казалось, из задрожавших на его шее трубочек сейчас повалит раскаленный пар. — У тебя осталось пять минут, чтобы присоединиться к своей группе и прекратить ломать комедию с потерей сознания, Часовой Тринадцатой стражи Альрик Безродный. Скоро под нами будет пригород Скобелева. И ты сам сможешь увидеть, во что его превратили твои любимые ведьмы!

Очередной удар уже в который раз сбил меня с ног. Я скорчился на подрагивающем полу в этом полутемном помещении, похожем на трюм старинного корабля или... Судя по всему, некоего воздушного судна. Дирижабля? Кто я здесь? Почему Безродный, и почему меня бьют и так ненавидят? Почему без конца называют ведьминым выкормышем? Где я и почему не просыпаюсь?! И кто такие эти чертовы Часовые?!

— Эй, там, как вас... Легачёв и Сойка. Да, вы, образины! Помогите подняться своему боевому товарищу и проведите его в оружейную комнату. Похоже, он от страха вообще перестал соображать. А еще из дворянского рода, недоносок чертов... Попомните мои слова, ребята: обратно на борт «Циклопа» он не поднимется.

Я уже почти ничего не соображал, когда меня подхватили с обеих сторон чьи-то сильные руки и, пытая от напряжения, споро потащили куда-то прочь. Мне уже было все равно, куда. Лишь бы подальше от этого жуткого человека с крюком вместо руки и зеленым камнем вместо глаза.

***

Ноги почему-то отказывались слушаться. Меня тащили, как скошенный сноп пшеницы, не спрашивая ни о чем. Лишь ругались вполголоса. В какой-то момент я кое-как умудрился поднять чугунную голову. Состояние охрительного похмелья выветривалось из организма с большим трудом. Я по-прежнему мало что соображал. Но, слава богу, глаза стали видеть лучше, а застилавшая их после пробуждения дымка почти развеялась. Меня упрямо волокли по каким-то коридорам и помещениям, напоминающим переборки в трюме подводной лодки. Вокруг была странная мешанина: дерево, железо, растяжки. С низких потолков тускло светили мерцающие желтоватым светом лампочки в решетчатых кожухах.

Лампочки! Значит, тут есть энергия и что-то, что ее вырабатывает. В конце концов, что-то же заставляет наше судно двигаться. И неважно, какая это энергия — пара, дизельного генератора или волшебных камней. Главное, что этот мир не совсем отсталый в технологическом плане. Непроизвольно я начал впитывать все, что могло

мне помочь. Все крохи и крупички, способные дать мне хоть долю шанса на выживание. Отчего-то с тоскливой болью в сердце я вдруг осознал, что, судя по всему, застрял здесь надолго...

— Альрик, да что с тобой такое творится? — в отчаянии прохрипел тот, кто держал меня справа. — После того как ты упал на смотровой палубе и ударился башкой, ты сам на себя не похож. Ты что, последний разум потерял? Именно сегодня, в день экзамена?

— Альрик? — Опять этот Альрик! Это я, что ли? В этом мире я даже не властен выбрать себе имя... — Алексей, меня зовут Алексей.

Переглянувшиеся между собой парни по бокам от меня на секунду почти синхронно остановились. Затем они с руганью как следует встряхнули меня и потащили дальше. Повернув за угол, мы оказались перед большой железной дверью, испещренной замысловатыми рунами. Левый сопровождающий, Сойка, испуганно пробормотал:

— Альрик, во имя Господа, следи за словами, пожалуйста. Тебе нельзя даже наедине с собой упоминать свое родовое имя! Ты бы еще фамилию назвал! Легачёв, он действительно чокнулся!

— Нельзя? Почему нельзя? — пробормотал я, опираясь на крепкие руки несущих меня парней. Я сделал достойную попытку выпрямиться, и у меня вроде получилось. Мы остановились, и парни наконец отпустили мои руки. Все втроем стояли перед дверью и тяжело дышали. Сойка, высокий статный парень с вытянутым худоща-

вым лицом, пронзительными голубыми глазами и таким же коротким ежиком черных волос, как и на моей голове, схватил меня за ворот и очень внятно и внушительно произнес:

— Альрик, возможно, мастер-сержант был прав, когда сказал, что ты не жилец и умом тронулся. Но мне всегда было плевать на его слова. И ты это знаешь. Герман подтвердит. Но Фляйшер никогда не ошибается. И если он сказал, что ты не вернешься после этой выброски на «Циклоп», то с большой вероятностью он прав. Но лично я в это верить не желаю. Здесь у тебя мало друзей. И мы не хотим, чтобы ты остался внизу. Так что соберись и постарайся стать самим собой. И разочаруй этого однорукого м...ка.

Второй парень, Герман, стукнул твердым, как камень, кулаком в мое плечо и прогудел:

— Мы с тобой, не ссы. Или ты думал, что, закатив этот спектакль, оттянешь неизбежное? Не дури, приятель. Мы шли к этому дню два года. И сегодня не все вернемся обратно. Но если погибнем мы, ничто не изменится. Если же ты сдохнешь, то вместе с тобой окончательно сгинет и весь твой проклятый богами Род! Разве не ты нам говорил, что обязательно выживешь на зло всем?

Я лихорадочно обернулся к Легачёву. Он был на полголовы ниже меня, очень плотный, мускулистый, что не скрывало даже просторное белье. Платиновый блондин с приятными чертами лица, но волевым подбородком и жесткой линией губ.

Сойка и Герман... Это мои друзья? Немного подумав, глядя в его красноватые глаза, одновременно задаваясь вопросом, а не альбинос ли он, я прошептал:

— Ребята, хотите верьте, хотите нет, но я действительно после падения малость того... Я много чего не помню. И не надо так смотреть и думать, что я валяю дурака. С моей головой что-то не то. Если вы мне не поможете, то мне каюк.

Сойка уныло посмотрел на Германа, на дверь, затем вновь перевел недоумевающий взгляд на меня и разразился площадной бранью. Он с силой ударил кулаком по раскрытой ладони.

— Дьявол и все ведьмино племя, Альрик! Ты же еще вчера глушил с нами пиво и говорил, что мы все обязательно прорвемся! В кого ты превратился? Герман, ты хоть понимаешь, что мы не сможем там внизу вытирать ему жопу?

Легачёв вздохнул так, словно поднял гору, и буркнул:

— Хорош трепаться, пошли. Иначе Фляйшер выбросит нас за борт голыми. А ты, Альрик, лучше заткнись и никому этот бред больше не пересказывай. Что бы с тобой ни случилось, это произошло очень не вовремя.

Его тираду прервал второй тревожный гудок, заставивший меня от неожиданности втянуть голову в плечи и вздрогнуть так, что это не скрылось от моих новых товарищей. Они растерянно переглянулись. В их глазах мелькнуло недоумение. Похоже, я начал стремительно падать в их глазах. Совсем дело дрянь. Я суматош-

но пытался собраться с мыслями. Мне нужно было где-то спокойно посидеть и все это обмозговать. Но у меня не было ни времени, ни спокойствия.

Герман тем временем крутанул штурвал двери, и та с металлическим лязгом распахнулась. Не церемонясь, мои сопровождающие впихнули меня внутрь, вошли сами, а затем захлопнули дверь.

Я замер на пороге, разинув рот и изумленно уставившись на развернувшуюся предо мной картину. Это была большая и просторная комната. Хотя, наверно, было бы правильнее сказать кубрик, раз мы на борту судна. Также никаких окон или иллюминаторов. Стены обшиты проклепанным железом бронзового оттенка, такой же пол и немного скошенный потолок. Светильники тут горели ярче. С потолка свешивались причудливые лебедки, тросы и цепи, я мельком успел рассмотреть какие-то диковинные конструкции, подвешенные к некоторым тросам. Отовсюду раздавалось шипение пара, лязг, жужжание трущихся шестеренок и шум безостановочно работающих механизмов.

Оружейная. Здесь находилось около двух десятков молодых парней и девушек примерно моего возраста или чуть постарше. Всех объединяли ультракороткая стрижка, серые рубища и одинаково жесткое и сосредоточенное выражение на лицах. Словно все эти люди готовились к последнему, смертельному бою в своей жизни.

«А, собственно, что за экзамен предстоит нам всем сдавать? — запоздало подумал я. — Мы, получается, все какие-то студенты и оканчиваем курс обучения?»

На нас не обратили никакого внимания. Все были заняты приготовлениями к чему-то, что мне уже заочно очень сильно не нравилось. Сойка настойчиво толкнул меня в спину, а Герман тихо прошипел:

— Не стой столбом, идиот. Не хватало еще, чтобы все остальные заметили, что у тебя крыша потекла. Если забыл, я напому: тебя здесь не очень любят.

«Это я уже уяснил», — в отчаянии подумал я, чуть ли не бегом влетев в оружейку. К слову, интересно, почему не любят-то? Вопросы, опять одни вопросы, и нет ни минуты, чтобы... попытаться проснуться?.. Я опять застыл на месте и изо всех сил зажмурил глаза.

— Эй, Альрик, ты что это, решил помолиться? Не замечала за тобой раньше влечения к Священному Писанию, — раздался рядом задорный женский голос, обладательница которого нарочитым весельем пыталась скрыть явную нервозность.

Оставив бесплодные попытки вернуться в свою постель, я торопливо распахнул глаза и увидел прошедшую мимо меня девушку. Среднего роста, миловидная, стройная, с черными короткими волосами, торчащими, как у грозного ежика. Взгляд невольно скользнул по ее округленной в нужных местах фигуре. Следом

она насмешливо подмигнула мне правым глазом и вскинула два пальца вверх:

— Если выживем, я тебе отсосу. Как обещала вчера. Помнишь?

Я туло кивнул. Помнишь? Я ничего не помнил! Кто-то рядом коротко хохотнул. Но, в общем, всем тут было не до смеха. Герман и Сойка уже разошлись по своим местам. Я завертел головой, стараясь не выглядеть отсталым кретином.

Так, твою мать, без помощи мне тут точно не разобраться! Единственное, что я успел уяснить, это то, что все заняли строго определенные пятки на палубе, прямо под... Я поднял голову. Верно, под свисающей с потолка громоздкой и устрашающей на вид конструкцией. Где-то вверху что-то зажужжало, шипение, лязгающие звуки усилились, и конструкции стали спускаться прямо на нас. Все происходило настолько быстро, что я не успевал больше ни о чем думать. Ёкарный бабай, а вдруг я что-то делаю не так, вдруг я не на своем месте?

Я учащенно задышал. На мое счастье, в оружейной сновало еще несколько человек. Они отличались от нас, стриженных курсантов. Судя по обрывкам знаний в моей голове, одеты они были в военно-морскую форму времен царской России.

Сосредоточенно обходя каждого, эти люди тщательно следили за опускающимися на наши головы механизмами. Один из моряков, проходя мимо, грубо толкнул меня в грудь.

Начинается!

Глава 2

— Шаг назад, придурок, — в усы буркнул он, — если не хочешь, чтобы тебе проломило тупую башку. Я слышал, ты сегодня и так ею здорово ударился. Хочешь пойти на корм своим адским дружкам, мясо?

Я в изнеможении застонал. Твою мать, и этот туда же. Какая-то обслуга и то норовит ткнуть меня носом в дерьмо! Я уже хотел как можно скорее выпрыгнуть наружу, и неважно, куда нас собирались десантировать. А в том, что именно это и должно произойти, я не сомневался. Моряк, однако, остался стоять рядом со мной.

Наконец огромный механизм завис над моей макушкой, с шипением раздался в стороны и опустился вниз. Я ошарашено завертел головой. Так вот что это такое! Огромные, угловатые доспехи, похожие на панцирь гигантского жука. Бронзовое с золотым железом, старые, в царапинах и вмятинах, покрытые какой-то клинописью, и видно, что побывавшие не в одной переделке. Но на вид вполне еще надежные. Огромные наплечники, защищающий горло воротник, наручи, поножи, сапоги. Настоящий средневековый экзоскелет.

Я прикинул вес этой махины и содрогнулся. Если меня в него закуют, я и шага сделать не смогу, не то что идти или куда-то прыгать. Словно заметив мой ужас, моряк подозрительно уставился на меня:

— Руки в стороны, курсант. Ты что, впервые видишь учебные доспехи?

Я послушно раскинул руки. Под свист и шипение хитроумных приводов конструкция словно ожила, и с металлическим лязгом детали монструозных доспехов стали одеваться на мое тело. Каждый сегмент и каждая деталь идеально подгонялись друг к другу, громогласно защелкиваясь и постепенно превращая меня в закованную в железо и бронзу башню. Если бы не металлические тросы, продолжающие удерживать мой чудокостюм и меня вместе с ним, я бы уже грохнулся на палубу. Впрочем, как я мельком заметил, подобным же образом заковали и всех остальных. И никто не задавался вопросом, как он будет двигаться. Значит, и эта проблема будет решена.

Через пару минут я был полностью облачен в древнюю броню и напоминал космодесантника из смутно знакомой мне игры. Два десятка моих собратьев также были уже готовы. Что дальше? А дальше каждому из нас за спину заходил кто-то из оружейников и проводил какие-то хитрые манипуляции. Я не видел, что происходило у меня в тылу, но у стоящего передо мной Германа один из моряков открыл сзади защищенный бронированной плитой нарост на спине, похожий на горб, и вложил внутрь какой-то зеленый камень размером с кулак, повозился с какими-то проводами и захлопнул крышку.

В тот же миг с грозным шипением доспехи Германа словно ожили, он самостоятельно выпрямился и поднял закованные в сталь руки. Тотчас отстегнулись удерживающие его тросы, и мой новоявленный друг вполне уверенно пере-